

всегдашнему обычаю своему, сто раз свои остроумныя ѣдки и сокрушительныя насмѣшки надъ „Протодьяконскимъ носомъ“.

Другой писатель той же газеты высказалъ свой эстетическія понятія и способности по поводу картины Рѣпина „Не ждали“. — Во-первыхъ, онъ объявилъ, что на той выставкѣ, гдѣ находилась эта картина (12-я передвижная выставка), „нѣтъ ничего выдающагося, ни одной картины, которая заставляла-бы о себѣ говорить особенно“ (NB. Прямо наоборотъ истинѣ: о рѣдкой картинѣ говорили и писали у насъ, и въ Петербургѣ, и во всей провинціальной нашей печати, такъ много, какъ о „Не ждали“). Далѣе онъ нападалъ на передвижниковъ, зачѣмъ они разбросали картины одного и того-же мастера по разнымъ угламъ (конечно, и не подозрѣвая, въ своемъ художественномъ невѣжествѣ, что нигдѣ въ Европѣ картины одного и того-же художника никогда не ставятся вмѣстѣ, на выставкѣ). Послѣ такихъ приступовъ, этотъ писатель объявлялъ вдругъ, что картина Рѣпина „производитъ примиряющее впечатлѣніе, пожалуй, трогательное“. Откуда онъ это взялъ, на основаніи одного только своего мгновеннаго вдохновенія, „все случаемъ!“, какъ говорилъ Хлестаковъ, — этого, конечно, никто не отгадаетъ. Еще далѣе, объявлялось, что въ картинѣ „словно нѣтъ настоящаго творчества и одушевленія, нѣтъ того свободнаго и яркаго таланта, который подчиняетъ себѣ всѣхъ“. Тѣмъ яркимъ талантомъ, который подчиняетъ себѣ всѣхъ, оказался К. Маковский, когда написалъ свою, по всегдашнему не безталанную, но яркую, пустую, безо-держательную и даже во многомъ фальшивую, на брюлловскій манеръ, картину „Боярская Свадьба“. Эта вещь уже провозглашена была „превосходящею все, прежде написанное этимъ художникомъ, не только техникою, но внутреннимъ содержаніемъ, историческимъ и бытовымъ смысломъ“. „Въ исторіи русской живописи едва-ли есть другая картина столь выразительная“, прибавлялъ критикъ, и вмѣстѣ объяснялъ, что картина К. Маковского вся свѣтится поэтическимъ колоритомъ, поэтической гармоніей, у невѣсты „такія интеллигентныя черты лица“ и т. д. Ну да, разумѣется, кому могутъ нравиться, казаться поэтическими и высокими созданіями такія картины, какъ „Боярская свадьба“ К. Маковского, кто способенъ, по своему полному безвкусію, печатно увѣрять русскую публику („Новое время“, 1883, № 2, 463), что Перовъ, въ послѣдніе свои годы занявшійся историческою и религіозною живописью, вовсе не пошелъ назадъ, а его „Снятіе со креста“ останавливаетъ наше вниманіе „по чуткому реализму именно русскаго художника“, — тому никогда, ко-